

7 апреля день рождения Чингиза Абдуллаева - народного писателя Азербайджанской Республики, первого секретаря Союза писателей Азербайджана. Накануне этого события корреспондент АЗЕРТАДЖ Амира Ахундова побеседовала с известным писателем, творчество которого знают и любят во всем мире.

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ: КАЖДАЯ МОЯ КНИГА - ЭТО УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ!

Беседа с народным писателем в формате "прогулки во времени"

- Чингиз муаллим, у вас уже было столько интервью! Обо всем у вас спросили. Я хочу предложить совершить путешествие во времени. Как вы относитесь к научной фантастике?

- Отлично! Кстати, детективы я не люблю читать, а вот научную фантастику обожаю. Особенно Рэя Брэдбери, Айзека Азимова, Роберта Шекли, Станислава Лема, братьев Стругацких.

- Ну, тогда я по адресу. Так как мы с вами садимся в машину времени и отправляемся в прошлое. Я бы хотела начать с какого-нибудь фрагмента вашего детства. Вот сейчас вспомните какой-то момент из вашего детства и расскажите мне про маленького Чингиза.

- Хемингуэй говорил, что у писателя должно быть несчастливое детство... Но у нас здесь (показывает портрет, висящий на стене) - мой любимый писатель, и мужчина он достойный. Так вот, Хемингуэй считал, что только тогда писатель может стать настоящим, если у него было несчастливое детство. В этом отношении я, наверное, никогда не буду настоящим писателем. (Смеется.) Мне очень повезло. У меня было счастливое детство. Папа у меня был прокурор, работал в Нахчыване. Потом он работал в прокуратуре Баку. А потом долгие годы был председателем коллегии адвокатов Азербайджана. Мама была четвертым человеком в Азербайджане по должности. Достаточно сказать, что утром за ними приезжали две государственных машины.

Но нам, детям, не разрешали садиться. Я пешком шел в школу. Но она была на расстоянии 100 метров от моего дома. Даже ближе. Надо было баяр пробраться. И это было очень здорово.

- Отлично! Давайте в этот момент и отправимся. Маленький Чингиз сейчас идет в школу. Раннее утро. На дворе весна. О чем он мечтает?

- Быстрее убежать из школы! (Смеется.) И идти домой, чтобы читать любимые книги. Футбол и книги - вот все, что меня интересовало. Особенно книги! У мамы с папой колоссальная была библиотека. Для книг не хватало места. И некоторые книги прятали в шкафу на балконе. Я залезал туда. Там были высокие потолки. Я залезал по лестнице, доставал какую-то книгу и читал. До сих пор помню, как я радовался, когда нашел где-то там наверху "Королеву Марго" Александры Дюма. Я читал залпом. Моя бедная мама, она у меня буквально отнимала книги и чуть не плакала.

Но с детства, с первого класса, я мечтал о том, что я окончу школу и буду юристом. Поэтому поступил на юридический факультет. Папа мой был прокурором, адвокатом. Дедушка - юрист. Прадед - юрист. Дяди мои - юристы. И мы с младшим братом стали юристами в четвертом поколении. А сейчас мои дети тоже выбрали эту профессию. Причем я их к этому не принуждал, как и меня не принуждали. Я об этом мечтал. Может, еще и потому, что мы с папой были большие друзья... А еще, наверное, в этом была какая-то романтика. Мне хотелось быть следователем. Или работать в уголовном розыске - ловить преступников!

- Тогда садимся в нашу машину времени. Переносимся в другой период. На дворе 80-е годы. Чингиз - студент. Он учится на юрфаке. Но также любит рассказы... Вы помните тот момент, когда вы решили написать свой первый рассказ?

- Я и в школе писал. И в университете проаолжал. Кроме того, я писал научные работы, будучи студентом, они выдвигались на конкурсы. Я был редактором газеты "Комсомольский проектор". И представлял себе, спустя полвека, мои друзья сохранят эти записи. И друг другу их показывают.

...Я просто для себя написал 2-3 рассказа и никому их не показывал. И как-то их прочел друг моего отца. Он был известным писателем и сказал, что это очень интересно. Потом один рассказ напечатали, но как-то я не придавал этому значения.

Потом так получилось, что я решил написать большую книгу. У меня погиб товарищ, и я решил написать

книгу. И начал писать "Толубыш ангелов". В это время я уже окончил юрфак, работал на военном предприятии, потом на партийной работе.

На партийной работе я курировал административные органы: КГБ, МВД, прокуратуру, суд, народный контроль. И когда я в 25-26 лет завершил свой роман, в КГБ его запретили и сказали, что он никогда не будет напечатан.

Я три года ходил и просил, чтобы его напечатали. Три года там что-то находили, убирали... Закончилось тем, что мне это все надоело. А наш сосед был министром печати - Назим Ибрагимов. Он тогда, воспользовавшись периодом перестройки, все же провинул мой роман. Первый тираж вышел в конце 80-х тиражом в 30 тысяч экземпляров. Их за неделю продали. 30 тысяч книг! И тогда издательство решило донести тираж и выпустило 100 тысяч моих книг. Эти 100 тысяч книг продали за месяц. Это было невероятно. Люди приезжали из других республик, покупали. А потом издательство "Краснодар" выпустило мою книгу тиражом в 400 тысяч экземпляров. Сейчас если у меня выйдет такая одна книга таким тиражом, я самолет куплю! (Смеется.) Теперь таких тиражей уже нет. А тогда были, в советское время. И я, конечно, очень этим горжусь.

Хоты бы и момент, когда меня вызвали в ЦК и сказали... (Запись диктофона внезапно прерывается.)

- Чингиз муаллим, подождите! Диктофон остановился!

- Ну вот, сказал про ЦК, и диктофон остановился...

- Я сейчас налажу. (Смеется.)

- Вы налаживаете, а я вам пока покажу мою библиотеку. Здесь у меня собраны книги на 34 языках. (Показывает шкафы, полки которых переполнены книгами.) Здесь у меня книги на азербайджанском языке, русском, английском, немецком, эстонском, испанском, турецком, венгерском, чешском, французском... Нададите диктофон?

- Да, Чингиз муаллим. И вот о чем хочу вас спросить - вы сказали, что в школьные годы тоже писали. Как вы думаете, если бы вы поступили, допустим, в литературный университет или на филофак, вы бы таким же писателем стали или по-другому сформировались?

- Нет, нет, нет! Во-первых, как я и сказал, я хотел учиться на юрфаке. И если бы пришлось выбирать заново, 100 раз сделал бы этот выбор. Мне очень это помогло в моей жизни и сейчас помогает. Я здесь, в Союзе писателей, не просто первый секретарь, я занимаюсь всеми финансовыми вопросами, хозяйственными делами, я бухгалтер и финансовое право проходил в полном объеме, и мне сейчас очень легко, потому что я разбираюсь в финансовых документах. Все договоры со всеми издательствами мира я подписываю сам, с удовольствием туда лечу и сам все подписываю. В Абданию только не летал, хотя там вышла моя книга.

- Хорошо. Тогда мы с вами переносимся в 2002 год. Экранизация телефильма "Дронго". Расскажите, как вы почувствовали, когда к вам поступило предложение экранизировать роман?

- До этого было несколько предложений, но я отказывался - хотел, чтобы на уровне нити. Мне сказали, что будет снимать НТВ-канал, превратительный сценарий мне прислали, я стал его пересматривать. В результате выяснилось, что в съемках будут участвовать актеры из девяти стран бывшего СССР. Это мне очень понравилось: там были и латыши, и киргизы, и узбеки, и азербайджанцы, и русские. То есть такая интернационал. Но когда уже должны были начинаться съемки, я вдруг выяснил, что азербайджанские актеры получают в 8-10 раз меньше, чем иностранные... Я, естественно, удивился. И остановил съемки. Я сказал - не будем снимать, пока все, даже водители, не будут получать такие же деньги. И это этого добились и очень этим горжусь. После этого сигнала и другие фильмы по моим книгам.

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ: КАЖДАЯ МОЯ КНИГА - ЭТО УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ!

→ 7

- Чингиз муаллим, а что вы почувствовали, когда впервые увидели вашего героя, воплощенного на экране?

- Дронго играл Ивар Калныньш. Он мне очень понравился. Хотя я не разрешал его снимать поначалу. (*Смеется.*) Я до этого видел фильм "Театр", где он играл с Вией Артмане. А она очень крупная женщина, и на ее фоне мне казалось, что он маленький такой... И я говорил режиссеру: "Понимаете, мой Дронго - он такой видный мужчина высокого роста. А этот маленький, худенький". Режиссер долго на меня смотрел, а потом говорит: "А вы его в жизни видели?" Я говорю: "Ну фильм же есть!"

И тогда позвали Ивара Калныньша. Он заходит, я смотрю на него пораженный и говорю: "Какой у вас рост?" Он говорит: "Метр восемьдесят восемь". А у меня самого рост метр восемьдесят семь. Я смотрю на его ботинки и говорю: "У меня сорок шестой размер, а у вас?" Он говорит: "У меня сорок седьмой". Я говорю: "Что-то я ошибся значит". (*Смеется.*)

Но самое смешное было, когда Усков и Краснопольский сняли в роли Дронго Лобощого. Мы поехали в Израиль на презентацию. Разместились в отеле. И ночью я открываю окно и вижу, что стоит очередь девушек. Все хотят увидеть Лобощого - он известный актер. Я вообще человек не завыскливый, но когда увидел такое, не выдержал и как закричу сверху из окна: "Девочки, это я автор! Он актер! Стройтесь ко мне в очередь, пожалуйста. Я автор, я!" (*Смеется.*) Это было очень смешно. Девочки столько смеялись, а потом стали аплодировать.

- Хорошо, Чингиз муаллим, едем дальше - в 2005 год. Вы получаете звание народного писателя Азербайджана. И вы самый молодой народный писатель в Азербайджане.

- Не только в Азербайджане, я самый молодой в Советском Союзе, которого уже нет, правда... Я сначала думал, что это шутка. Ведь такого быть не может. Потом я узнал, что к Президенту заходили и говорили: "Не давайте ему народного, его же убьют просто. Просто убьют!" Но он все же дал мне звание. Конечно, это было невероятно. И несмотря на то, что прошло 20 лет, я до сих пор остаюсь самым молодым народным писателем. И меня не убили! (*Смеется.*)

- Я хотела бы в 2005 году ненадолго задержаться. 20 лет назад... Вы этого не помните. Но это было важнейшим событием для меня: наша с вами первая встреча и первое интервью. Вы были очень добры ко мне и согласились ответить на несколько вопросов. Я хочу повторить один из вопросов, который я вам тогда задала. Я спросила у вас о том, как вы можете оценить интерес мо-

лодежи к литературе. Читает ли молодежь, что она читает? И самое главное, как приобщить молодежь к хорошей литературе?

- Читает гораздо меньше. Надо из всех сил приучать людей к чтению. Знаете, есть такое выражение, мне оно очень нравится: "Управлять людьми будут те, кто читают книги". Образование и книги очень и очень важны. Надо детей приучать к чтению. Не заставлять, а приучать. Не может быть, чтобы человеку было все неинтересно. Кто-то любит фантастику, кто-то - приключения, кто-то - детективы, кто-то - мелодрамы, а кто-то - исторические романы.

Если даже я буду жить сто лет, я не прочту все книги, которые хочу прочесть. Даже если я в день буду читать по одной книге. Я так из-за этого переживаю! Как же так? Как я умру, не прочитав все книги? А хочется прочитать! Мне жалко людей, которые не ходят в музеи, не читают книг. Не понимают ценность человеческой жизни...

Я всегда говорю, если мне дадут тысячу лет жизни - на 500 лет я запущу в библиотеке и буду читать книги. А еще 500 лет буду путешествовать по миру. Знакомиться с людьми. Потому что каждый человек - это целая вселенная.

- Чингиз муаллим, знаете, как вы ответили 20 лет назад на этот вопрос? Вы сказали: "Я не могу ответить на этот вопрос, потому что я сам еще тоже очень молодой человек. И я не знаю, как нас приобщить к чтению".

- (*Смеется.*) Сейчас я так уже не говорю. Тогда у меня, наверное, были хорошие волосы, а сейчас у меня их нет...

- Вы почти не изменились, Чингиз муаллим. А мы возвращаемся в сегодняшний день. Вот мы с вами сидим здесь. Наше путешествие подходит к концу. И я хочу спросить: оглядываясь назад, вы задумывались когда-нибудь, почему судьба вас таким путем направила?

- Я не знаю почему. Но мне нравилось создавать. До сих пор некоторые люди говорят, что не мог человек столько книг написать за свою жизнь. А я работал так, что пар шел из ушей. Я часто терял сознание за компьютером. Я столько работал, что у меня кончики пальцев стерты о клавиатуру... Но мне было это интересно. Каждая моя книга - это увлекательное путешествие.

Может, какой-то ангел там, на небесах, меня полюбил и решил вести по жизни? Наверное, он же меня вернул в прошлом году с того света... А может быть, просто так сложилось. Но я бы не изменил ни одного дня в своей жизни. И единственное, что я могу Богу сказать, - спасибо. Больше ничего.